

Немного подождав, Хун Пяо, которую давно не видели, вышла из такси, одетая в тяжелую ватную куртку, с двумя яркими румяными пятнами на щеках, характерными для высокогорья. Она легкой походкой подошла к Ли Южону, подпрыгнула и весело воскликнула:

— Эй!

Ли Южон, вместо того чтобы испугаться, рассмеялся, развлеченный ее поведением:

— Откуда ты взялась, такая деревенская?

Хун Пяо почесала щеку указательным пальцем, слегка смутившись:

— Я действительно не очень разбираюсь в одежде.

— Шучу, — извинился Ли Южон, а затем спросил. — Когда ты приехала?

— Уже дней десять как.

— И на Новый год не вернулась?

— Это дело для меня как заноза в сердце. Пока вопрос со сценарием не решится, я даже спать спокойно не могу, не то что праздновать.

Ли Южон понимающе кивнул:

— Тогда сегодня мы эту занозу вытащим.

— Хорошо, — улынулась Хун Пяо, и ее брови изогнулись от радости. Заметив, что Ли Южон в наушниках, она с любопытством спросила. — Что ты слушаешь?

— Ничего, — тут же вынул наушники и убрал телефон, забыв снять их заранее.

Хун Пяо больше не стала допытываться. Спрятав руки в карманы и слегка сгорбившись, она повела Ли Южона вперед. Район, где жил Су Бэй, был довольно престижным, и даже в канун Нового года у входа дежурил охранник. Увидев наряд Хун Пяо, он сразу составил о ней не самое лестное впечатление и наотрез отказался пропускать. В итоге ей пришлось позвонить Су Бэю.

Когда владелец лично дал разрешение, охранник не смог больше препятствовать, но Хун Пяо это оставило глубокий след:

— Оказывается, в этом мире действительно судят по внешности.

Ли Южон, уже давно привыкший к такому, ответил:

— Потому что одежда действительно отражает материальное положение человека и его отношение к жизни. Где бы ты ни был, опрятно и со вкусом одетые люди всегда привлекают больше внимания, чем те, кто одевается как попало. Хотя, если у тебя есть уверенность в себе и ты сам являешься своей визитной карточкой, то не так уж важно, что на тебе надето.

Хун Пяо вздохнула, вспомнив, как ее недооценивали на церемонии награждения:

— Мне всегда казалось, что это лишние траты, но, видимо, большинство людей думает иначе... Или, может, шоу-бизнес — это просто место, где внешность важнее всего?

Ли Южон усмехнулся:

— Разве ты не потому, что оценила мою внешность, предложила мне сниматься в твоём фильме?

— Это другое, — сразу же возразила Хун Пяо, но, взглянув на Ли Южона и его чистый взгляд, поняла что-то и, опустив плечи, вздохнула. — Ладно, я тоже такая. — Она покачала головой, на этот раз осуждая и себя. — Мы все одного поля ягоды, одной масти.

И это при том, что сама она этого не замечала, сама делала то же самое, но при этом еще и осуждала других с высоты своего пьедестала.

Хун Пяо почувствовала, что начинает сама себе противной.

Видя ее уныние, Ли Южон утешил:

— Когда у тебя нет сил изменить окружающую действительность, плыть по течению — не так уж плохо. По крайней мере, тебя не будут считать чужаком. Ведь если тебя отвергнут, страдаешь ты сама.

Хун Пяо кивнула, выдохнула и широко улыбнулась:

— Ли Имин, ты умеешь располагать к себе.

Ли Южон не показал, что воспринял это как комплимент:

— Главное, что ты меня не ненавидишь.

Пока они разговаривали, они дошли до дома Су Бэя. Войдя в здание и поднявшись по лестнице на 8-й этаж, Хун Пяо по адресу постучала в одну из дверей.

Дверь открыл пожилой мужчина. Он поправил очки и, выглянув из-за железной двери, спросил:

— Кого ищете?

Хун Пяо только собралась ответить, как дедушка вдруг радостно распахнул дверь и с энтузиазмом воскликнул, обращаясь к Ли Южону:

— О, учитель Сюй, как это вы в Новый год к нам заглянули? Проходите, проходите!

Хун Пяо с изумлением наблюдала, как Ли Южона втянули внутрь, не понимая, что происходит.

Ли Южон присел у входа, чтобы переобуться, и поздравил дедушку Фана:

— С Новым годом, старина.

— Спасибо, спасибо, — ответил дедушка, улыбаясь так, что глаза превратились в узкие щелочки. — Я и не думал, что увижу вас в это время. Прошло уже больше полугода с вашего последнего выступления.

Ли Южон вошел, освобождая место для Хун Пяо:

— В последнее время был занят, вот и отложил выступления.

— А весной, после Нового года, будете петь?

— Буду.

— Тогда я буду следить за вашими новостями в Weibo. — Сказав это, дедушка взял его за руку и повел в гостиную. — Вы пришли сегодня, чтобы порадовать одинокого старика?

Фан Вэньцзюнь, только что вышедший из туалета, услышав слова дедушки, тут же выбежал и спросил:

— Какой еще теплый прием?

Затем он широко раскрыл глаза:

— Ли Имин? Хун Пяо? Что вы здесь делаете? Если пришли поздравить с Новым годом, то до полуночи еще далеко.

Хун Пяо, стоявшая сзади, закатила глаза:

— Мечтай.

Су Бэй, медленно спускавшийся с верхнего этажа, остановился на лестнице и сказал:

— Они пришли ко мне.

Фан Вэньцзюнь вздрогнул и обернулся:

— Пап.

Хун Пяо и Ли Южон почтительно поклонились:

— Учитель Су.

Су Бэй кивнул и, повернувшись, пошел наверх:

— Идите за мной.

Нетерпеливая Хун Пяо побежала впереди, переступая через ступеньки.

Дедушка, видя, что Ли Южон уходит, с сожалением попытался удержать его:

— Эй, учитель Сюй.

Ли Южон похлопал его по руке и мягко сказал:

— У меня сейчас дела, поговорим позже, хорошо?

Услышав это, дедушка Фан, словно под гипнозом, трижды кивнул.

Однако Фан Вэньцзюнь не собирался так просто отпускать его. Он последовал за Ли Южоном и спросил:

— Слушайте, вы в Новый год пришли к нам к отцу, что случилось?

— Я не совсем в курсе, — кратко объяснил Ли Южон. — Хун Пяо раньше просила меня

сниматься в ее фильме. Но сценарий не прошел цензуру в Госуправлении радио и телевидения, и она тайком начала съемку. Кто-то донес, оборудование конфисковали.

Фан Вэньцзюнь ахнул:

— Я же говорил, что Хун Пяо — сумасшедшая.

Подойдя к двери комнаты Су Бэя, Ли Южон улыбнулся, закрыл дверь и оставил Фан Вэньцзюня снаружи.

В комнате Хун Пяо, уже сидевшая на месте, взволнованно похлопала по соседнему стулу.

Ли Южон поклонился Су Бэю и только после этого сел.

Он заметил, что сценарий Хун Пяо уже был в руках у Су Бэя.

Хун Пяо, возбужденно, шепотом сказала Ли Южону:

— Видишь, «Государственный наставник» смотрит мой сценарий.

Ли Южон пошутил:

— Может, лучше останешься у него на Новый год? Это было бы еще более впечатляюще.

— Что тут впечатляющего? — Хун Пяо посмотрела на Су Бэя и так разволновалась, что не знала, куда деть руки. — Я тебе скажу, я выбрала искусство, поступила в Центральную академию драмы и выбрала режиссуру именно потому, что восхищалась Су Бэем.

Ли Южон с удивлением приоткрыл рот. Получалось, у них с Хун Пяо было что-то общее.

Хун Пяо, не в силах остановиться, продолжала:

— Честно говоря, я и не думала, что придется беспокоить учителя Су. Просто вернулась в университет, два дня приставала к своему наставнику, и вдруг, сегодня уже разговариваю с учителем Су...

Вероятно, услышав их шепот, Су Бэй перевернул страницу сценария и сказал:

— Я узнал об этом от твоего наставника и попросил твой номер.

Хун Пяо слегка смутилась. Она откашлялась, села прямо и сказала:

— Спасибо, учитель Су.

— Не за что, — поправил очки Су Бэй. — В молодости я тоже делал подобное — начинал съемки без разрешения. Поэтому и решил взглянуть на твой сценарий.

Хун Пяо сухо засмеялась:

— Тогда смотрите, не спешите.

На этот раз Хун Пяо не решилась шептаться, и в комнате воцарилась тишина.

Однако через несколько минут в дверь постучали. В комнату вошли дедушка Фан и Фан Вэньцзюнь с подносом фруктов. В отличие от Фан Вэньцзюня, который сразу устремился к

тому, что держал в руках его отец, дедушка Фан пошел прямо к делу. Поставив поднос с закусками, он взял самый большой яблоко и протянул его Ли Южону, радостно сказав:

— Учитель Сюй, раз уж вы пришли, не стесняйтесь, угощайтесь.

— Папа, — поднял голову Су Бэй, глядя на отца. — Мы говорим о работе.

<http://bllate.org/book/16554/1510655>